

А. Струг

История одной бомбы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Струг**
История одной бомбы / А. Струг – М.: Книга по Требованию, 2017. – 296 с.

ISBN 978-5-519-18965-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1949 года.

ISBN 978-5-519-18965-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Благодаря весьма сложнымъ, еле уловимымъ ассоціямъ, преобразованіямъ, процессамъ дифузіи, поглощенія, сгущенія, растворенія и кристаллизаціи, благодаря особому высокому давленію, таинственному средству растворимыхъ элементовъ и наконецъ благодаря вліянію неизвѣстнаго тѣла, которое мы назовемъ X, въ мозгу этого чудака образовалась особая гипотеза: она заключалась въ томъ, именно, что начавшіяся теперь такъ кроваво и такъ бурно событія на его родинѣ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть для него безразличными. Спустя нѣкоторое время химикъ приступилъ къ точному качественному и количественному анализу этого новаго соединенія, которое обычно называютъ тоской по родинѣ и составныя части котораго летучи, разнообразны и поразительны. Это соединеніе отличалось, очевидно, особенно высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ, потому что оно тяжелымъ бременемъ ложилося на душу химика, угнетало его и не давало ему покоя. Анализъ былъ слишкомъ тяжелъ для мозга, испорченнаго опытами съ ихъ трубками, ретортами и реактивами; послѣ даже самыхъ тщательныхъ изслѣдованій на поверхности оставался назойливый, нерастворимый осадокъ и ничего съ нимъ нельзя было подѣлать.

Въ это же время одинъ революціонеръ объѣзжалъ Европу въ поискахъ за человѣкомъ науки, который былъ бы готовъ принести свои знанія и свою жизнь на алтарь революціи. Онъ велъ безконечные переговоры и его системы убѣждать, не говоря всей правды, терроризовать нужныхъ ему людей, были самыя разнообразныя. Но такъ какъ дѣло шло не объ отысканіи конспиративной квартиры, не о матеріальной поддержкѣ, и не о полученіи паспорта, а объ услугахъ, которыя были равносильны веревкѣ вокругъ шеи, то оказалось, что этотъ товарищъ, несмотря на свои геніальныя агитаторскія способности, не нашелъ во всей Европѣ ни од-

ного человѣка среди извѣстныхъ людей науки, который согласился бы посвятить свои техническія знанія дѣлу революціи. Но агитаторъ не терялъ надежды и сталъ собирать адреса совершенно неизвѣстныхъ химиковъ и навѣщать ихъ. Въ Геттингенѣ одинъ химикъ выгналъ его изъ квартиры: онъ оказался убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ національ-демократомъ. Другой же, въ Бернѣ, сразу согласился, былъ на все готовъ, давалъ торжественныя обѣщанія, и все это онъ дѣлалъ съ быстротой молніи, такъ что агитаторъ къ концу совѣщанія догадался, что его считаютъ сумасшедшимъ и хотятъ отъ него какъ можно скорѣе избавиться. Третій же — дѣло было въ Парижѣ, — какъ только услышалъ предложеніе, сдѣланное ему незнакомцемъ самымъ спокойнымъ образомъ, лишился отъ ужаса языка и забылъ, что у него въ рукѣ флаконъ съ азотистой кислотой — совѣщаніе происходило въ лабораторіи. Онъ обжегъ себѣ ногу и проболѣлъ шесть недѣль. Но неутомимому агитатору удалось за это время найти нужнаго ему человѣка.

Товарищи въ одной заграничной колоніи дали ему адресъ одного химика, но тутъ же заявили, что нѣтъ никакой надежды, чтобы этотъ сумасшедшій, забывшій уже почти свой родной языкъ человѣкъ могъ оказаться полезнымъ для какого бы то ни было дѣла. Агитаторъ отправился къ нему, безъ надежды на успѣхъ, но и безъ колебаній, вѣрный себѣ въ желаніи во что бы то ни стало устроить это дѣло.

Но оказалось, что химикъ сразу согласился, какъ будто только и ждалъ этого приглашенія. Какъ это случилось? Какъ могло случиться, что эти два человѣка съ такими противоположными натурами сразу столкнувались между собой, что химикъ сразу бросился въ авантюру, о которой онъ не имѣлъ понятія, которую онъ даже во снѣ не могъ предвидѣть. Какъ это слу-

чилось? Кто может это знать? Въ тѣ времена происходили еще болѣе удивительныя вещи.

Въ одинъ прекрасный день химикъ прекратилъ борьбу съ своимъ врагомъ, не имѣвшимъ ни запаха, ни цвѣта, и отложилъ дальнѣйшій походъ противъ него на неопредѣленное время. Онъ снялъ свой бѣлый китель и рабочій передникъ, сложилъ все свое имущество, — комплекты разныхъ техническихъ журналовъ на нѣсколькихъ языкахъ и свое единственное собственное печатное произведеніе — половина печатнаго листа, сплошь усѣяннаго химическими іероглифами, — и поѣхалъ въ ту страну, которая представляла собой тогда бурлящій котелъ съ совершающимися въ немъ таинственными духовными и матеріальными процессами, связующимъ звеномъ которыхъ былъ всѣмъ извѣстный въ дьявольской химіи жизни элементъ — элементъ въ состояніи жидкой агрегации, краснаго цвѣта. Энергія соціальныхъ соединеній съ силой прорывалась наружи; между анодомъ и катодомъ прошли сильныя токи, — а по серединѣ были навалены горы труповъ.

Что могъ искать тамъ весь отдавшійся наукѣ чело-вѣкъ съ душой, одурманенной испареніями лабораторіи? Если логически разсуждать — ничего. Но къ счастью для прогресса міра наступаютъ, хотя и рѣдко, въ соціальной жизни такія эпохи, когда логика улетучивается изъ мовга и издали наблюдаетъ за тѣмъ, что предпринимаютъ тогда люди.

Черезъ нѣкоторое время нашъ химикъ поселился въ глухомъ предмѣстьи Варшавы, въ домикѣ, снятомъ для него партіей, и тамъ онъ сталъ работать для партійныхъ цѣлей, во вредъ царизму. Онъ сталъ домашними средствами изготовлять орудіе, при помощи котораго должна была быть отчасти завоевана независимость родины и дана возможность польскому пролетаріату болѣе скорого достиженія его конечныхъ цѣлей.

Стремленіе къ независимости представлялось нашему ученому въ довольно туманномъ видѣ, а о конечныхъ цѣляхъ онъ имѣлъ очень смутное представленіе — тѣмъ не менѣе онъ работалъ весьма усердно и терпѣливо, не считаясь ни съ собой, ни съ тѣми, для которыхъ онъ изготовлялъ это адское орудіе. Онъ пользовался солидной репутаціей. О немъ говорили:

«Наконецъ-то у насъ имѣется настоящій химикъ!»

«Онъ знаетъ это дѣло. И для престижа партіи очень цѣнно, что такой ученый...»

«Настоящій ученый...»

«Извѣстный въ широкихъ кругахъ...»

«Всемирно извѣстный...»

Приблизительно разъ въ двѣ недѣли въ этотъ маленький домикъ входила бѣдно одѣтая дѣвушка. Такъ какъ химикъ каждый разъ бывалъ предупрежденъ о ея визитѣ, то онъ надѣвалъ воротникъ, причесывалъ волосы, покрывалъ дырявымъ одѣяломъ неубранную постель, провѣтривалъ квартиру, выметалъ валявшіеся на полу окурки папиросъ, тщательно запиралъ дверь въ лабораторію и нетерпѣливо ожидалъ гостю.

Онъ встрѣчалъ ее весьма сердечно. Отвѣшивалъ неулыблѣннѣйшій поклонъ, дико, какъ безумный, улыбался оскаленными, гнилыми зубами; дѣвушка подымала къ нему свои большіе, печальные глаза, въ которые одичалый отшельникъ никогда не рѣшался взглянуть, развѣ только украдкой.

«Что новаго на свѣтѣ? Я вѣдь здѣсь отрѣзанъ отъ міра.»

Въ сущности, его совсѣмъ не интересовало, что происходило на свѣтѣ, такъ какъ онъ всю свою жизнь прожилъ отрѣзаннымъ отъ всего свѣта, но надо же было о чемъ нибудь говорить, съ чего нибудь начать.

Разговоры съ Камой были для него неизъяснимымъ блаженствомъ. Уже одинъ голосъ ея, внѣ зависимости

отъ того, что она говорила, вызывалъ у него вибрацію въ тѣхъ частичкахъ, которыя являлись составной частью его мозга или, вѣрнѣе, сердца. Отшельникъ, для котораго еще недавно было чуждо все то, что выходило изъ узкихъ предѣловъ кислородныхъ соединений, отдавался во власть печальныхъ глазъ незнакомой дѣвушки, не отдавая себѣ совершенно отчета въ своей душевной перемѣнѣ. Женщины никогда не существовали для него, и не женщина вызвала въ немъ этотъ чрезмѣрный подъемъ. Это было просто какое-то чудо, или вѣрнѣе химическая реакція, выходящая далеко за предѣлы всѣхъ извѣстныхъ наукъ законовъ и гипотезъ.

Ихъ разговоры касались главнымъ образомъ политическихъ темъ и партійныхъ дѣлъ. Кама при первомъ же посѣщеніи лабораторіи съ удивленіемъ призналась себѣ, что таинственный препаратъ, вызывавшій въ ней безграничное чувство уваженія, не имѣлъ понятія о самыхъ элементарныхъ вещахъ въ области проблемъ движенія, извѣстныхъ каждому заурядному члену партіи.

Не говоря уже объ учредительномъ собраніи въ Варшавѣ, о боевой организаціи и ея тактикѣ, расколовшей партію на два лагеря и тому подобныхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросахъ, о которыхъ онъ и не слышалъ никогда, химикъ, какъ это замѣтила Кама, питалъ еще иллюзіи въ духѣ національ-демократовъ и даже — о ужасъ! — не былъ проникнутъ должнымъ презрѣніемъ къ людямъ изъ лагеря эсдековъ.

Кама приносила желѣзныя принадлежности для бомбъ, необходимыя химическія вещества, а также и динамитъ, и забирала съ собою изготовленные бомбы. Она была единственнымъ существомъ, имѣвшимъ непосредственный доступъ къ лабораторіи. Черезъ нее велась переписка и отъ нея химикъ получалъ инструкціи, заказы и деньги на жизнь. Она считала поэтому своей обязанностью посвящать ничего не знающаго отшель-

ника въ таинства соціальной мудрости. Она гордилась своей миссіей, и приносила ему каждый разъ свертки съ литературой, надъ которой химикъ просиживалъ цѣлыя ночи, въ надеждѣ, что ему удастся, наконецъ, одолѣть эти трудныя проблемы. Попытки Кама оказались однако напрасными. Нашъ химикъ читалъ и перечитывалъ извѣщенія партіи, съ благоговѣніемъ слушалъ объясненія Кама, но мозгъ его, отравленный испареніями химической кухни, не могъ охватить новыхъ явленій: онѣ мощнымъ потокомъ катились передъ нимъ, неодолимыя и непонятныя, попирая всѣ теоріи, предположенія, опасенія и надежды.

Часто онѣ, заикаясь и путаясь, просилъ объясненія, но его учительница никогда не понимала, о чемъ онѣ спрашивалъ. Оказывалось часто, что онѣ не зналъ самыхъ элементарныхъ научныхъ истинъ, безъ которыхъ невозможно ясное пониманіе всего движенія и отдѣльныхъ моментовъ его. Кама была терпѣлива и тактична, но онѣ ей преподносилъ иногда такіе сюрпризы, что она забывала всякую педагогику и откровенно выражала свое удивленіе:

«Неужели вы этого не знали? Какъ же это можетъ быть? Что же вы, въ такомъ случаѣ, у насъ дѣлаете?»

«Вы же знаете, товарищъ Кама, что я дѣлаю,» отвѣчалъ печальнымъ голосомъ преступникъ.

«Но что васъ побудило на этотъ шагъ? Вѣдь вы даже не социалистъ. Если васъ накроютъ, вамъ грозитъ казнь; за что же вы хотите пожертвовать собой, если вы даже не знаете...»

Бѣдный химикъ ничего не могъ возражать на это. Онѣ не предполагалъ никогда, что социализмъ такая запутанная вещь. Онѣ давалъ обѣщанія исправиться, мучился, но отъ истины былъ попрежнему далекъ. Зато дѣло свое онѣ исполнялъ добросовѣстно. Его работа была безукоризненна, но она продолжалась недолго...

Однажды вечеромъ, сейчасъ же послѣ ухода Камы, унесшей приготовленное имъ, въ его домище ворвалась полиція въ сопровожденіи солдатъ и саперовъ. Съ большой осторожностью собрали и унесли бутылки, реторты, химическіе продукты, желатинъ, тщательно завернутыя въ вату коробочки со взрывчатой ртутью и другія принадлежности адской кухни. Химика заковали въ кандалы, угостивъ его предварительно прикладомъ ружья, и отвели въ цитадель подъ охраной цѣлаго отряда солдатъ.

Когда его били, онъ извивался отъ боли, но въ душѣ онъ испытывалъ такую большую радость, какъ никогда въ жизни.

Вѣдь Кама не попалась имъ въ руки. Онъ радовался также тому, что заказанная для какой-то чрезвычайной надобности и сдѣланная съ особыми приспособленіями бомба миновала конфискаціи.

Но скоро его стала мучить мысль, что онъ не успѣлъ нарисовать и передать Камѣ свое изобрѣтеніе новаго, вѣрнаго, дѣйствующаго безъ осѣчки, воспламенителя. Онъ гордился своимъ изобрѣтеніемъ и рассказалъ о немъ Камѣ. Она слушала его внимательно, но онъ зналъ, что это бесполезно, потому что химія была для Камы, пожалуй, еще болѣе непонятна и чужда, чѣмъ политика и социализмъ для него. Это изобрѣтеніе могло оказать громадную услугу дѣлу революціи, а, главное, защитить Каму отъ опасности взрыва при транспортѣ бомбъ.

«Все это теперь къ чорту пошло!» думалъ химикъ, когда сидѣлъ въ камерѣ десятаго павильона. Онъ потиралъ себѣ изрѣзанныя веревками руки и отплевывалъ кровь, вызванную ударами приклада.

Въ то же время у него явилось убѣжденіе, что онъ вступаетъ въ странную фазу своей жизни, что каждая мысль ему нова и необыкновенна и вся его несложная жизнь непонятная загадка; но не долго пришлось ему

Но это уже не относится къ дѣлу, не исторію же химика мы собираемся здѣсь рассказать.

Итакъ — это была тяжелая банка изъ чугуна. Во избѣжаніе случайностей въ пути и для защиты отъ холода и сырости, ее вкладывали въ красивый футляръ изъ желтой кожи, въ родѣ тѣхъ футляровъ, которые употребляются дамами для духовъ и косметики во время путешествія.

Когда Кама ушла изъ лабораторіи, она прошла шаговъ двадцать и внимательно оглянула улицу съ лѣвой и правой стороны. По обѣимъ сторонамъ тянулись тусклые фонари съ еле мерцающими желтыми огоньками. Улица казалась мрачной и пустынной, и не было на ней даже намека на опасность. Только черезъ нѣсколько минутъ ей навстрѣчу попалось нѣсколько извозицкихъ пролетокъ, которыя, одна за другой, промчались мимо нея. Мелькали штыки — очевидно везли солдатъ на обыскъ. Вслѣдъ за ними промчались верхомъ городовые... Кама задрожала всѣмъ тѣломъ. Грохотъ и топотъ копытъ рѣзко оборвался гдѣ-то вблизи, совсѣмъ вблизи.

Кама остановилась съ устремленнымъ вдаль взглядомъ и прошептала: «такъ, такъ» — и пошла дальше. Она шла долго, очень долго вдоль желѣзнодорожныхъ построекъ и, наконецъ, добралась до большого ярко-освѣщеннаго вокзала, полного шума и движенія. Она остановилась на другой сторонѣ площади и съ какимъ-то неопредѣленнымъ ожиданіемъ смотрѣла на движущуюся человѣческую массу. Она ждала, — но всѣ эти люди были заняты только собой и казались ей такими обыденными.

Она повернулась и быстро пошла обратно, подгоняемая безотчетной тревогой. Она чувствовала глубокую, болѣзненную тревогу, нѣчто похожее на упрекъ и въ то же время безумное желаніе уничтоженія. Она быстро

двигалась вдоль черныхъ заборовъ, дворовъ, мимо проволочной ограды, за которой стояли длинные ряды товарныхъ вагоновъ и все ускоряла ходъ, придерживая рукой тяжелый предметъ, который висѣлъ подъ пальто, на перекинутомъ черезъ плечо ремнѣ. Внезапно надъ ея ухомъ прогудѣлъ свистокъ локомотива.

Тогда она остановилась.

Она посмотрѣла на часы и прошептала: «я поспѣю еще,» потомъ вынула свой платокъ, и долго и тщательно вытирала свое лицо. Слезы замочили не только лицо и вуаль, но и пальто на груди. Когда она около вокзала сѣла въ пролетку, слезы уже замерзли и какъ жемчужинки лежали на сѣрой матеріи.

«Поѣзжайте, пожалуйста, медленно и осторожно.»

Легко и быстро пролетка умчала ее въ городъ. Мрачныя и широкія улицы Праги и набитый шумной толпой мостъ остались позади. Показались улицы, полныя движенія и свѣта. Камѣ казалось сегодня все измѣнившимся и непонятнымъ: какъ будто она попала въ чужой міръ, населенный существами съ непонятными, таинственными судьбами, существами, безповоротно осужденными на нѣчто ужасное и двигающимися по улицамъ, какъ во снѣ. Ихъ потребности въ дѣйствительности не были потребностями, радости и печали ихъ были притворными, голоса казались мертвыми, движенія — лживыми, и все, что они дѣлали, казалось такъ же лишнимъ, какъ были лишними они сами, ихъ жизнь, весь городъ, вся страна, весь міръ...

Это было дыханіе безпощадной смерти, отравившее на мгновеніе ея живой человѣческой мозгъ.

«Всѣ умрутъ,» думала она, глядя на толпу. Эта простая мысль, хорошо знакомая всѣмъ живущимъ, тяжелымъ бременемъ легла на ея душу.

«Для чего они живутъ?» — Этотъ вопросъ ворвался къ ней въ душу раздирающимъ безумнымъ крикомъ.

Когда она передала бомбу на хранение въ условленномъ мѣстѣ одному нервному интеллигенту, то этотъ послѣдній, какъ всегда, удивлялся невозмутимому спокойствію Камы. Онъ просилъ ее отдохнуть, предложилъ ей чаю и завелъ съ ней разговоръ, который постоянно и неизмѣнно клонился все къ тому же: по возможности больше узнать, что она чувствуетъ и переживаетъ при исполненіи такой деликатной миссіи.

Его больше всего интересовалъ психологическій процессъ, совершавшійся въ душѣ человѣка, который ежедневно глядѣлъ въ лицо смерти.

«Какъ врачъ и психіатръ, я чрезвычайно интересуюсь вашими душевными переживаніями. Въ подобныхъ положеніяхъ психологическія явленія обнаруживаются съ невѣроятной выпуклостью и точностью. Но какъ же мнѣ быть, если съ вами невозможно разговаривать! Вы прячетесь отъ меня, вы надѣваете непроницаемую маску, высмѣиваете мои серьезныя стремленія и подшучиваете надо мной. А между тѣмъ это былъ бы большой вкладъ для науки...»

Кама, знакомая съ его разговорами, съ улыбкой слушала его разглагольствованія и въ ея отвѣтахъ было замѣтное желаніе мистифицировать его. Она не особенно высоко цѣнила его науку.

«А вы надолго оставляете у меня этотъ симпатичный футляръ?» спросилъ онъ ее при прощаніи.

«Не надо быть такимъ любопытнымъ. А впрочемъ я и сама не знаю. Когда прикажутъ, я приду за нимъ... Только по приказу...»

«Невѣдомъ день и часъ...» глубокомысленно изрекъ докторъ.

«Насчетъ дня то это, пожалуй, вѣрно, что же касается часа, то вамъ вѣдь извѣстно: между восьмью и девятью вечера. Если же это понадобится въ другое время, то васъ извѣстятъ въ восемь часовъ утра за-